

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ
«ПОВЕСТИ ОБ ОГНЕННОЙ ТУЧЕ»
ИЗ ЖИТИЯ ПРОКОПИЯ УСТЮЖСКОГО

О житийном цикле, посвященном Прокопию Устюжскому, говорится в статье А. Н. Власова, помещенной в настоящем сборнике. Мы остановимся на некоторых литературных источниках «Повести об огненной туче», являющейся ядром этого цикла.

Повесть, как и множество других памятников древнерусской литературы, объединяет в себе элементы нескольких жанров. Так, предсказание Прокопием явления огненной тучи является характерным мотивом видений и знамений. Поиск жанровых аналогий заставляет нас обратиться к новгородской литературе. Именно в ней в эпоху, связанную с падением независимости Новгорода, широко распространяются подобного рода произведения.¹ К числу популярных новгородских памятников принадлежит, в частности, «Видение Хутынского пономаря Тарасия», входящее в состав распространенной редакции «Жития Варлаама Хутынского».² Сравнивая это произведение с «Повестью об огненной туче» из «Жития Прокопия Устюжского», А. С. Орлов заключает, что, возможно, «чудо св. Прокопия стоит в связи или даже в непосредственной зависимости от „Видения пономаря Тарасия“».³ В качестве доказательства он приводил следующие слова Прокопия Устюжского, обращенные к жителям города: «Аще не покается. . . зле погибнути огнем и водою и всему граду нашему». Так блаженный «глагола. . . в пророка место ангелово явление».⁴ Мнение об этой зависимости исследователь основывал на том, «что гибель „водою“ и „ангелово явление“ лишь упомянуты в чуде Прокопия без дальнейшего развития в виде неоправданного намека», тогда как в «Видении пономаря Тарасия» представлены развернутые картины видения Варлаама. Проводя сравнение текстов, А. С. Орлов верно подметил существенное различие между двумя произведениями. Действительно, книжные (библейские) образы органически входят в текст «Видения Хутынского пономаря Тарасия» — на их основе создается символическая картина гибели Новгорода. Произведение представляет собой развитое в жанровом отношении видение со сложной композицией (вступление и три знамения). По мнению А. С. Орлова, на формирование «Видения» оказала влияние «Книга пророка Иезекииля».⁵ Вопрос об источни-

¹ Лихачев Д. С. Литература Новгорода второй половины XI—первой половины XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 368—389.

² См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 61—69.

³ Орлов А. С. Видение Хутынского пономаря Тарасия (нач. XVI в.) // ЧОИДР. М., 1908. Кн. 4 (217). С. 10.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же.

ках этого произведения, помимо А. С. Орлова, подробно рассмотрен А. Седельниковым.⁶ Первооснову второй части «Видения» (эпизод с ангелами, мечущими огненные стрелы) он видит в Паремии от Премудрости Соломоновой (V, 15—24; VI, 1—4), частично входящей в состав преподобнической службы Варлааму Хутынскому.⁷ Полному построена «Повесть об огненной туче», сюжетная часть которой составлена без непосредственной опоры на какой-либо книжный эпизод. Нет в первоначальном варианте «Повести» и слов о «гибели водою». А. С. Орлову был известен, судя по всему, только поздний вариант «Повести об огненной туче», читающийся в составе изданного Обществом любителей древней письменности списка Жития (Житие преподобного Прокопия Устюжского (ОЛДП). СПб., 1893).⁸ В «Повести» же, встречающейся отдельно и в составе текстов ранних разновидностей Жития, в пророчестве Прокопия, обращенном к жителям Устюга, сказано: «Аще не покаетесь кождо грехов своих и господа бога не умолите за беззаконие ваша, то зле погибнет град сей».⁹ Правда, слова о «гибели водою» имеются и здесь. Они читаются в похвале Празднику чуда от иконы Благовещения, заключающей «Повесть об огненной туче», и входят в состав приведенного в тексте пророчества о гибели града Ниневи,¹⁰ но в сюжетной части «Повести об огненной туче» никак не развиты. Таким образом, степень близости текстов «Повести об огненной туче» и «Видения Хутынского пономаря Тарасия» не такова, чтобы можно было говорить о заимствовании. Однако общие источники у обоих произведений имеются. Описание бедствия — молнии, грома, потопа в этих сказаниях явно восходит к новгородским летописным статьям подобного содержания. Это прежде всего рассказ о стихийном бедствии 1421 г. (краткая запись — в Новг. I летописи, более подробная — в Новг. IV летописи и отдельное сказание о том же событии в Новг. II и Новг. III летописях).¹¹ В летописных статьях достаточно подробно описано само бедствие и дано его символическое осмысление как знамения, предвещавшего несчастье. Составители «Повести об огненной туче» и «Видения Хутынского пономаря Тарасия» активно использовали символику и образные средства новгородских летописных сказаний. О влиянии летописных рассказов о новгородских знамениях на «Видение Хутынского пономаря Тарасия» писал А. Седельников.¹²

⁶ Седельников А. Литературно-фольклорные этюды // Slavia. Praha, 1927, гоф. 6., сеф. 1, с. 64—98.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Так, он пишет о «Повести о чуде»: «Этот рассказ, по словам В. О. Ключевского, есть неловкая переделка повести, отдельно встречающейся в сборниках XVI в. (с. 227). Мне неизвестно, какую «повесть» разумел В. О. Ключевский» (Орлов А. С. Видение Хутынского пономаря Тарасия (нач. XVI в.) // ЧОИДР. М., 1908. Кн. 4 (217). С. 10).

⁹ ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 64, XVI в., л. 502.

¹⁰ Там же. Л. 506. Первоисточник данного эпизода — Книга пророка Наума (Наум, III, 7).

¹¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 413; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 46—49, 264—266; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 185—186.

¹² Седельников А. Литературно-фольклорные этюды. С. 64—98.

Для того чтобы проиллюстрировать влияние летописных статей на «Повесть об огненной туче», сопоставим два следующих отрывка:

Новг. III летопись

Сего ради преложихом во свидетельство страшное сие чюдо и необычное наводнение, яко да водрузится в помыслех слышащим по Давиду глаголющу. . . убоимся и вострепещем, поминающе сия, потщимся сохранить его заповеди господня угоджения.¹³

Повесть об огненной туче

Повесть. . . о страшном чюдесе и необычном видении, и яко водрузится мыслене в чюство слышащим. . . убоимся и вострепещем, воспоминающе сия, потщимся сохранить заповеди господня угоджения.¹⁴

В отличие от упомянутых новгородских сказаний, датировка которых не составляет труда благодаря их тесной связи с общественной жизнью Новгорода, из содержания «Повести об огненной туче» не ясно, к какому времени относится описанное в произведении грозное знамение и чем вызван резко полемический, обличительный тон проповеди-поучения, читаемой после рассказа о чуде. Не исключено, что он определен характером источников «Повести».

«Повесть об огненной туче» примыкает также к жанру сказаний об иконах, большинство которых, как и в данном случае, посвящены иконам богородичным. Во всех списках «Повести» речь идет о чуде, совершившемся в главном храме города — Успенском соборе — от иконы Благовещения: перед ней служат молебен устюжане во главе с Прокопием, от этой иконы истекает миро, которым исцеляются больные. Однако храмовой иконой собора считалась икона Богоматери Одигитрии. По местному преданию, которое было впервые письменно зафиксировано в Устюжском летописце, составленном в 1765 г. священником Успенского собора Л. Я. Вологдиным, икона Одигитрии была привезена в Устюг ростовским епископом Тарасием в связи с освящением Устюжского Успенского собора в 1290 г.¹⁵ Упоминаний об этой иконе ранее XIV в. не существует, но уже под 1398 г. во всех устюжских летописях читается подробный рассказ о ней. Это — повествование о нападении на город новгородских ушкуйников, которые вывезли икону Одигитрии в Новгород, а в следующем году по повелению новгородского владыки Иоанна вернули ее и другие захваченные ими иконы в Устюжский Успенский собор. Эта икона вплоть до XX в. считалась чудотворной святыней Устюжского Успенского собора. Правда, как показала современная реставрация, икона датируется XVI в.¹⁶

¹³ Новгородские летописи. С. 265.

¹⁴ ГБЛ, ф. 178, № 925, л. 189.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. / Под ред. К. Н. Сербиной. Л., 1982. С. 130. Эти сведения, правда, отсутствуют в ранних устюжских летописях, включающих в свой состав записи, которые, как доказывает исследователь устюжского летописания, велись при Великоустюжском соборе с начала XIII в. (Сербина К. Н. Устюжский летописный свод // Ист. зап. М., 1946. Т. 20. С. 239—242).

¹⁶ Подробнее об этом см.: Вадорнов Г. И. Об иконе Богоматери Одигитрии из Великого Устюга: (Легенда и действительность) // Средневековая Русь. М., 1976. С. 325—331.

Примечательны попытки составителей так называемых «распространенных» вариантов Жития, созданных во второй половине XVI—XVII вв., связать рассказ о чуде с почитаемой в Устюге иконой Одигитрии: чудо в них совершается от икон Богородицы Одигитрии и Благовещения. Следует обратить внимание и на то, что на устюжских изображениях юродивого конца XVI—начала XVII в. Прокопий представлен молящимся перед образом Одигитрии, а не Благовещения.¹⁷

Согласно прочно утвердившемуся с XVIII в. мнению, икона, перед которой произошло чудо, находилась до середины XVI в. в Устюжском Успенском соборе и между 1566—1568 гг. была перенесена в Московский Успенский собор. Это — один из известнейших памятников Московского Успенского собора — «Устюжское Благовещение» (ныне ГТГ, инв. № 25539).¹⁸ Мнение об устюжском происхождении иконы Московского Успенского собора было общепринятым. Однако начиная со второй половины XX в. все большее число ученых склоняется к выводу о новгородском происхождении этой иконы. Такова и точка зрения В. Н. Лазарева. В его трудах приводятся доказательства, что Устюжское Благовещение было привезено в Москву в XVI в. из Новгородского Юрьева монастыря. Это произведение, которое исследователь датирует XII в., ставится им в тесную связь с историей новгородской живописи.¹⁹ В. И. Антонова высказала мнение, что легенда об Устюжском Благовещении возникла в XVIII в. на основе эпизода Жития Прокопия Устюжского, составленного в XVII в.²⁰ Однако во всех списках «Повести об огненной туче», известных уже с XVI в., чудо связывается именно с иконой Благовещения. Этим же веком датируются ранние списки совместной службы Прокопию Устюжскому и Благовещению. К XVIII в. относится лишь возрождение этой легенды. В это время сделанная по заказу устюжан копия с иконы Московского Успенского собора была торжественно доставлена в Устюг.²¹

Противоречия здесь налицо, и, таким образом, весь круг проблем, связанный с Устюжским Благовещением, требует дополнительного изучения. При этом следует подробно рассмотреть взаимоотношения Устюга с Новгородом и Москвой, так как предварительное исследование показало, что легенда возникла на основе соединения местных, устюжских, новгородских и московских преданий.

¹⁷ Шляпин В. Житие Прокопия, устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопиевского собора. СПб., 1903. С. 101—116.

¹⁸ См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 1. С. 55—58.

¹⁹ Лазарев В. Н. 1) Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 39—40; 2) Ранние новгородские иконы // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970. С. 105—108.

²⁰ Антонова В. И. Живопись Киевской Руси эпохи феодальной раздробленности // Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. . . С. 56.

²¹ О доставке в Устюг из Московского Успенского собора списка с Устюжского Благовещения в 1747 г. см.: Титов А. А. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1889. С. 153—154; ПСРЛ. Т. 37. С. 144.